

УДК 80`373.72

ББК 81.033

А 18

Авдеева Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Адыгейского государственного университета, т.: 8(8772)570359; e-mail: olavd@yandex.ru

**СПЕЦИФИКА СИНТАГМАТИКИ РУССКИХ ФРАЗЕМ
ОКСИМОРОННОГО ХАРАКТЕРА**

(рецензирована)

Данная статья посвящена проблемам исследования синтагматики фразем оксиморонного характера. Цель исследования – выявить особенности взаимодействия внешней и внутренней синтагматики фразем-оксиморонов русского языка в семантическом и грамматическом аспектах. Результаты исследования могут быть использованы для анализа синтагматики фразем различных семантических и грамматических разрядов как русского, так и других языков.

Ключевые слова: *фразаема, фразеологическая единица, фразеологизм, оксиморон, синтагматика, синтагматические отношения, сочетаемость, семантический аспект, грамматический аспект.*

Avdeeva Olga Ivanovna, Candidate of Philology, assistant professor of the Department of Russian language and Teaching Methodology of the Adyghe State University, tel: 8 (8772) 570359; e-mail: olavd@yandex.ru

**SPECIFIC CHARACTER OF SYNTAGMATICS OF RUSSIAN PHRASES OF
OXYMORON CHARACTER**

(reviewed)

This article deals with the problems of research of syntagmatics of oxymoron nature phrases. The purpose of the study - to identify features of the interaction of external and internal syntagmatics of phrases –oxymorons of the Russian language in the semantic and grammatical aspects. The results can be used to analyze the syntagmatics of phrases of different semantic and grammatical categories of both Russian and other languages.

Keywords: frazem, phraseological unit, idiom, oxymoron, syntagmatics, syntagmatic relationship, compatibility, semantic aspect, grammatical aspect.

Наличие различных видов системных отношений между фраземами, а также между фраземами и единицами лексики в языке и речи служит бесспорным доказательством системного строения фразеологического корпуса языка. Синтагматические отношения фразем, наряду с парадигматическими, ассоциативными, иерархическими и другими, являются одними из основных видов системных отношений фразем. Иначе говоря, фраземы в языке «хранятся не в хаотическом состоянии, а в строгом системном порядке, основанном на их парадигматических группировках и синтагматических отношениях» [1].

Как языковые знаки фраземы достаточно сложны: они характеризуются асимметричными отношениями означающего и означаемого, формы и содержания. По определению Н.Ф. Алефиренко, «фразема – это аналитический по форме, но семантически целостный и синтаксически неделимый языковой знак, который своим возникновением обязан комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов своего свободносинтаксического генотипа» [2].

Синтагматические отношения фразем целесообразно рассматривать через соотношение понятий «система-среда». В современной теории информации понятие системы определяется через понятие среды: «множество образует систему, если связи определенного типа между элементами этого множества (внутренние связи) преобладают над аналогичного вида связями между элементами этого множества и окружающей средой (внешние связи)» [3, с. 199]. Исходя из данного определения, следует признать фразему системой, выступающей как единое целое по отношению к среде – окружающему контексту. Взаимосвязь фраземы с окружающим контекстом составляет предмет внешней синтагматики, под которой, вслед за Е.С. Кубряковой, понимается «анализ особых – синтагматических отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [4, с. 447].

Под внутренней синтагматикой понимается механизм сочетаемости компонентов внутри фраземы, а также сочетаемости сем в семеме фразеологической единицы.

Семантическая целостность и синтаксическая неделимость, уподобляясь центростремительным силам, «цементируют» фразему в качестве языкового знака. Напротив, аналитичность формы, уподобляясь центробежным силам и действуя деструктивно, в определенной степени сближает фразему с такой свободной синтаксической единицей, как словосочетание. Именно аналитичность формы, следы которой наблюдаются и на семантическом, и на синтаксическом уровне, объясняет существование двух уровней бытия фразем – внутреннего и внешнего. О необходимости их взаимосвязанного изучения говорит Ю.А. Гвоздарев, определяя их как «два аспекта, тесно связанных между собой и в равной мере необходимых, поскольку эти стороны находятся в причинно-следственной связи, представляют собой сущность и явление» [5, с. 8]. Внутренняя синтагматика фразем, относясь к языковым явлениям, формирует фразеологическое значение, а их внешняя синтагматика, относясь к речевым явлениям, участвует в формировании и значений, и смыслов фразем в конкретном дискурсе.

Исследование синтагматических отношений в определённой степени опирается на понятие синтагмы. В данном исследовании синтагма определяется, вслед за А. Мартине, как любой языковой знак, состоящий из двух или более семантически различных элементов, которые синтаксически ведут себя так же, как минимальные знаки, с которыми они могут быть взаимозаменяемы [6]. Двумя основными видами синтагм считаются предикативная и атрибутивная. Принципиальным различием между ними служит наличие у первой субъектно-предикатной структуры и ее отсутствие у второй [7: 33], что проявляется как на уровне внутренней, так и внешней синтагматики фразем.

В семантическом аспекте и внутренняя, и внешняя синтагматика подчиняются закону семантического согласования: слова (или фраземы) сочетаются в речевом потоке только при наличии в их семемах общих сем [8]. Однако внутренняя синтагматика фразем оксиморонного характера на первый взгляд построена на отрицании данного закона, т.к. рассматриваемые фраземы сформированы путем соединения несоединимых понятий: *живой труп, горячий снег, (дела) как сажка бела* и т.д. Причем анализ синтагматики фразем-оксиморонов позволил выявить взаимозависимость семантического и грамматического аспектов фразеологической синтагматики.

В результате структурно-грамматического анализа можно выделить два типа фразем оксиморонного характера: 1) фраземы со структурой словосочетания (типа

живой труп); 2) фраземы со структурой сравнительного оборота (типа *(нужен) как собаке пятая нога*). Каждый из выделенных типов фразем характеризуется своеобразием взаимодействия морфологического и синтаксического аспектов синтагматики фразем.

Исследование внутренней синтагматики фразем со структурой словосочетания в грамматическом аспекте позволило выявить в качестве наиболее распространенной модель «прил. + сущ. в И.п.» (*бесструнная балалайка*) с общим субстантивным значением фраземы. Подобно свободным словосочетаниям аналогичной структуры, данные фраземы имеют полную парадигму падежа и числа.

На уровне внешней синтагматики данные фраземы обычно управляются глаголом («...называла...*бесструнной балалайкой*»), вступая таким образом в предикативные отношения с существительным или местоимением со значением семантического субъекта: «[Арина Петровна] называла мужа *«ветряною мельницей»* и *«бесструнной балалайкой»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). Часто подобные фраземы вступают в предикативные отношения с существительными или местоимениями самостоятельно, без помощи глаголов, точнее, в этой позиции этимологически находился глагол-связка *есть*: «*Какой он богатый, какой знаменитый? Бабушка характерна, а он балалайка бесструнная – никакого толку и не жди от них*» (А.Н. Островский. Правда – хорошо, а счастье лучше).

Для другого разряда - фразем, построенных по модели «прилаг. + сущ. в Т.п.», характерно значение адverbиального характера, например: *семимильными [гигантскими] шагами* – означает «очень быстро. О развитии чего-либо» [ФСРЯ, с. 531]. Примыкая к глаголам, реже – к отглагольным существительным, они вступают с ними в обстоятельственные («...*идти семимильными шагами...*») или атрибутивные отношения («... *движение семимильными шагами...*»).

Фразема *семь пятниц на неделе*, построенная по уникальной модели «числ. + сущ. мн. ч. в Р.п. + сущ. в П.п. с предл.», передает адъективное значение «легкомысленный, несерьезный, непоследовательный», хотя в словарях толкование данной единицы дается посредством описания ситуации: разг. «кто-либо легко меняет свои решения, обещания, намерения и т.п. О вздорном, порой бессмысленном сочетании поступков, речей, обещаний у кого-либо» [РФ, с. 708].

Грамматический аспект внешней синтагматики данной фраземы показал, что она, управляя существительным в Р.п. с предлогом «у» со значением лица, образует отдельное предложение или отдельную часть полипредикативной конструкции. Возможно также автономное использование данной единицы – в качестве отдельной реплики диалога. Например, *«Я встала и разбудила няню: - Нужно укладываться, няня. Мы завтра едем. – Семь пятниц на неделе! – сердито зевая, сказала няня»* (В. Каверин. Два капитана).

Фраземы оксиморонного характера второго структурно-грамматического типа – со структурой сравнительного оборота – построены по модели «союз как + два компонента-существительных с противоречивой семантикой», например: *(нужен) как в Петровки vareжки, (дела) как сажка бела, (нужен) как зайцу стоп-сигнал*.

Анализ семантического аспекта внутренней синтагматики единиц фразеологии опирается на анализ структуры фразеологического значения, в результате которого в значении фраземы выделяют номинативную и прагматическую части. Номинативная часть фразеологического значения включает семему фраземы, состоящую из сем разной степени градации: от наиболее общих до самых конкретных. В прагматической части, вслед за А.М. Эмировой, можно выделить экспрессивный, апеллятивный, фатический и эстетический компоненты. Экспрессивный компонент – это «та часть прагматического значения, которая связана с выражением эмоций и оценок говорящего», апеллятивный компонент связан с «воздействием на реципиента – интеллектуальным, эмоциональным и, как следствие, поведенческим», фатический, т.е. контактоустанавливающий, компонент «информирует коммуникантов об их социально-психологическом статусе и предопределяет установление или прекращение между ними контакта», эстетический компонент, в свою очередь, отражает эстетическую наполняемость единицы [9]. Перечисленные компоненты тесно связаны и часто взаимообусловлены в структуре фразеологического значения, хотя в значении конкретной фраземы актуализация перечисленных компонентов может быть факультативной.

К особенностям значения оксиморонных фразем следует отнести обязательность актуализации номинативного компонента, т.к. формирование оксиморонного значения данных фразем происходит путем взаимодействия компонентов, содержащих в своих семемах взаимоисключающие семы: *белая ворона, (дела) как сажка бела (семы «белый» – «черный»), бесструнная балалайка (семы «отсутствие струн» –*

«наличие струн»), мёртвые души (семь «смертный» – «бессмертный»), семь пятниц на неделе (семь «все дни» – «единственный день» и т.д.

Периферию образуют фраземы, компоненты которых находятся в дизъюнктивных отношениях, т.е. семемы этих компонентов не имеют общих сем, что обуславливает невозможность сочетания данных компонентов в качестве слов в свободных конструкциях: фраземы типа (*разбирается*) как свинья в апельсинах – несовместимые компоненты свинья и апельсины, (*идёт*) как корове седло – несовместимые компоненты корова и седло.

Облигаторной также является актуализация экспрессивного компонента прагматической части значения оксиморонных фразем, т.к. данные единицы чрезвычайно экспрессивны и часто носят оценочный характер, например, обычно имеют положительную коннотацию такие фраземы, как *семимильными шагами*, *белая ворона*; другие же фраземы, напротив, могут иметь ярко выраженную отрицательную коннотацию, например, *бесструнная балалайка*, (*разбирается*) как свинья в апельсинах. Апеллятивный компонент в данных фраземах не актуализирован. Актуализация эстетического компонента прагматики осуществляется путем использования в структуре фразем компонента с традиционной для языка негативной коннотацией (типа *собака*, *черт*, *корова* и т.д.), что значительно сужает сферу использования данных фразем: сравним (*нужен*) как *прошлогодний снег* и (*нужен*) как *собаке пятая нога*. Причем актуализация эстетического компонента часто приводит к актуализации фатического компонента, т.к. включение в состав фразем негативно окрашенных компонентов, ассоциирующихся в сознании коммуникантов с бранными словами, делает невозможным использование данных фразем как в речи малознакомых коммуникантов, так и в речи коммуникантов, неравноправных в возрастном или социальном отношении.

Однако следует отметить, что использование в составе фразем компонента с традиционной негативной коннотацией не всегда приводит к возникновению подобной коннотации в структуре всего фразеологического значения. Например, при образовании фраземы *белая ворона* в компоненте *ворона* в данном случае актуализированы довербальные смыслы не эстетического и поведенческого характера (являющиеся негативно коннотируемыми: «некрасивый», «неэстетичный» и «шумный», «беспардонный», «навязчивый»), а цветового (нейтрально коннотируемый «черный»). Формирование данной фраземы основано на противоречии сем «белый» – «черный», поэтому

в ее значении отсутствует ожидаемая, на первый взгляд, негативная коннотация, обычно проявляющаяся посредством актуализации эстетического и фатического компонентов значения. Это значительно расширяет сферу употребления данной фраземы (сравним с другими фраземами, в которых компонент *ворона* является основой формирования негативной коннотации всего фразеологизма: *ворона в павлиньих перьях, ни пава ни ворона, считать ворон*).

Итак, исследование внутренней синтагматики фразем оксиморонного характера привело к выводу, что значение данных фразем основано на противоречии сем их компонентов. Это отличает их от традиционных фразем, для которых обычно характерно согласования сем компонентов, типа *стреляный воробей* (общая сема «стрелять»), *маменькин сынок* (общая сема «ребенок»). Кроме того, актуализация компонентов прагматического значения оксиморонных фразем является следствием актуализации определенного набора сем их фразеологических компонентов.

С точки зрения внешней синтагматики оксиморонные фраземы по характеру значения и степени их сочетаемости с окружающим контекстом можно подразделить, вслед за В.П. Жуковым, на три разряда [10]. К первому разряду относятся фраземы с самостоятельным, полноценным значением и относительно свободным, широким употреблением. Это фраземы типа *бесструнная балалайка, мертвые души, белая ворона, как собака на сене* и др. Например, фразема *белая ворона* может сочетаться с глаголами разнообразной семантики (*быть, считать, называть, прикидываться, оставаться* и т.д.), а также с личными местоимениями, антропонимирующими и иногда зоонимирующими существительными: «Трудность состояла в том, что порядков наших он не знал и никак не мог приноровиться к ним. Оставался белой вороной и от этого всегда был под некоторым подозрением» (Д. Гранин. Зубр).

Ко второму разряду относятся оксиморонные фраземы, имеющие самостоятельное значение, но «ограничивающие свои связи управлением или примыканием» [10]: *семь пятниц на неделе* (у кого), *как слону дробина* (кому) и др. Например: *Ведь у него [у отца] всегда было семь пятниц на неделе, его никогда нельзя было понять до конца* (И.А. Бунин. Освобождение Толстого).

К третьему разряду относятся оксиморонные фраземы, имеющие достаточно связанное значение и сочетающиеся либо с одним словом, либо со словами одной лексико-семантической группы: *(дела) как сажка бела, как черт ладана* (*бояться, стра-*

шиться), (*поможет*) как мертвому припарки. Для большинства фразем этой группы необходимы слова-сопроводители, которые как бы «дорабатывают» семантику данной фраземы.

Оксиморонные фраземы этого разряда с учетом степени валентности можно разделить на три подгруппы. Наиболее широкой валентностью обладают фраземы с адвербиальным значением, для которых характерна сочетаемость со словами одной лексико-семантической группы, запрограммированная их внутренней синтагматикой. Например, фразема *семимильными шагами* имеет значение «очень быстро. О развитии чего-либо» и может сочетаться только с той частью глаголов движения, развития, семантика которых содержит сему «шаг»: *идти, двигаться, продвигаться, шагать, развиваться* и т.д.

Ко второй подгруппе относятся оксиморонные фраземы с более узкой валентностью: для них характерна постоянная, устойчивая сочетаемость с двумя-тремя глаголами или краткими прилагательными-синонимами, в сочетании с которыми данная фразема приобретает значение, близкое к значению отрицательной частицы «не»: (*нужен, необходим*) как собаке пятая нога, (*нужен, необходим*) как зайцу стоп-сигнал, (*идет, пристало*) как корове седло, (*разбирается, смыслит, понимает*) как свинья в апельсинах и т.д. Сужение значения фраземы приводит к максимальному влиянию слова-сопроводителя на общее значение фразы. Причем, противоречие компонентов на уровне внутренней синтагматики фразем, основанное на антонимии сем компонентов (*белая ворона* – противоположные семы «белый»+«черный») или дизъюнктивных отношениях сем компонентов (*идет*) как корове седло – несовместимые семы «корова»+«седло»), является основой для противоречия между словом-сопроводителем и фраземой на уровне внешней синтагматики: *идет* + как корове седло, что формирует общее значение «не идет».

Наименьшей валентностью (одно слово-сопроводитель *дела*) обладает фразема (*дела*) как сажка бела, что объяснимо не только семантикой, но и формой фраземы – наличием рифмы. Фразема вступает в предикативные отношения со словом-сопроводителем, передавая значение «*плохи, никуда не годятся*».

Таким образом, внутренняя синтагматика оксиморонных фразем, формируя фразеологическое значение, предопределяет внешние синтагматические связи единиц фразеологии, формирующие как их языковое значение, так и их речевые смыслы.

Причем, специфика синтагматики фразем-оксиморон заключается в том, что грамматический и семантический аспекты их синтагматики оказываются тесно взаимосвязанными и во многом определяют особенности синтагматики каждой подгруппы данных фразем.

Литература:

1. Пазова Л.М., Щербашина И.В. Понятие и взаимосвязь полисемии и синонимии // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. № 4.
2. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 220 с.
3. Арнольд, И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. 1991. №3. С. 118-126.
4. Кубрякова, Е.С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 447-448.
5. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразеобразования. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1977. 184 с.
6. Martinet, A. La linguistique synchronique: etudes et recherches. Paris, 1965.
7. Скепская, Г.И. Введение в синтагматику : пособие по теоретической грамматике французского языка : для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1979. 132 с.
8. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
9. Эмирова, А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент: ФАН, 1988. 92 с.
10. Жуков, В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1990. 310 с.

Словари:

1. Яранцев, Р.И. Русская фразеология : словарь-справочник : ок 1500 фразеологизмов. – 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001. 845 с.
2. Фразеологический словарь русского языка : (свыше 4000 единиц) / сост.: Л.А. Войнова [и др.] ; под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.

References:

1. Pazova L.M., Scherbashina I.V. *The concept and the relationship between polysemy and synonymy // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2011. № 4.*
2. Alefirenko N.F., Zolotikh L.G. *Problems of idiomatic meaning and sense (in terms of inter-level interaction). Astrakhan: Astrakhan State Ped. Univ. Press, 2000. 220 p.*
3. Arnold I. V. *Modern linguistic theories of interaction between system and environment // Problems of Linguistics. 1991. № 3. P. 118-126.*
4. Cubryakova E.S. *Syntagmatics // Linguistic encyclopedic dictionary. M., 1990. P. 447-448.*
5. Gvozdarev Y.A. *Fundamentals of Russian phraseforming. Rostov n / D: Rostov University Press. 1977. 184 p.*
6. Martinet A. *La linguistique synchronique: etudes et recherches. Paris, 1965.*
7. Skepskaya G.I. *Introduction to syntagmatics: Handbook of Theoretical grammar of the French language for foreign language institutions and faculties. M.: High School, 1979. 132 p.*
8. Apresyan Y.D. *Lexical Semantics. Synonymous means of language. M.: Nauka, 1974. 367 p.*
9. Emirova A.M. *Russian phraseology in the communicative aspect. Tashkent: FAN, 1988. 92 p.*
10. Zhukov V.P. *Russian phraseology. M.: Higher School, 1990. 310 p.*

Dictionaries:

1. Yarantsev R.I. *Russian phraseology: dictionary: about 1500 idioms. - 2nd ed., stereotype. M.: Russ. Lang., 2001. 845p.*
2. *Russian Phrasebook Dictionary:(over 4,000 units) / Comp. L.A. Voinova [and oth.]; Ed. A. I. Molotkov. M.: Russ. Lang., 1986. 543 p.*